

УДК 910.1

Аннотация: В статье с позиции геоэкономического подхода рассматривается эволюция экономического пространства России в начале XXI века. На смену традиционной территориальной парадигмы пришла геопространственная парадигма, которая позволяет рассматривать процессы, явления и трансформации в пространстве, с учетом разнообразных внешних влияний. Автор делает вывод о том, что в условиях кардинальных внешних и внутренних изменений экономическое пространство России начинает эволюционировать в геоэкономическое пространство. Однако скорость этого процесса сильно различается в разных частях страны, а в большинстве регионов подобная эволюция не возможна в принципе. В итоге, выделено четыре региональных геоэкономических пространства, которые в силу различных факторов ориентируются на разные центры силы – ЕС, Китай, Японию, США. Подчеркивается, что сложилось две модели России – «Россия открытая» и «Россия внутренняя». Каждая из этих моделей отличается своеобразием. Вместе с тем, противопоставлять эти две модели и выписывать одинаковые рецепты для них и внутренних экономических пространств крайне опасно.

Annotation: In article from a position of a geoeconomic approach evolution of economic space of Russia at the beginning of the XXI century is considered. The geospatial paradigm which allows to consider processes, the phenomena and transformations in space, taking into account various external influences came to change of a traditional territorial paradigm. The author draws a conclusion that in the conditions of cardinal external and internal changes the economic space of Russia starts to evolve in geoeconomic space. However speed of this process strongly differs in different parts of the country, and in the majority of regions similar evolution isn't possible in principle. As a result, four regional geoeconomic spaces which owing to various factors are guided by the different centers of force – EU, China, Japan, are allocated with the USA. It is emphasized that there were two models of Russia – «Russia open» and «Russia internal». Each of these models differs an originality. At the same time, to oppose these two models and to write out identical recipes for them and internal economic spaces extremely dangerously.

**Эволюция экономического пространства России в начале XXI века:
геоэкономический подход**

Постановка проблемы

Н. В. Зубаревич (МГУ им. М. В. Ломоносова): «Сакрализация огромного пространства России стала национальной традицией в истории (В. О. Ключевский) и экономической политике СССР. Отчасти потому, что власти, и не только они, плохо знают свою страну и побаиваются ее разнообразия буквально на генетическом уровне, постоянно стремясь к унификации всего и вся».

В конце XX века на фоне грандиозных исторических событий – разрушения биполярного мира, распада социалистической системы государств и ухода от командно-административной модели обозначилась важнейшая тенденция к

повышению прозрачности государственных границ и открытости стран и регионов разного таксономического уровня.

В связи с названными изменениями, а также появлением сетевых структур во всех областях жизни, можно говорить о том, что меняется сама парадигма географической науки, в целом и общественной географии, в частности. Изучать явления и процессы в плоскости представляется уже анахронизмом. Традиционный страноведческий подход также устаревает и начинает терять свою актуальность. Вместе с тем, не будем забывать, что движущие силы экономики по-прежнему детерминируются территорией, например – минерально-сырьевые ресурсы и физическая инфраструктура (дороги). В противовес этому, инновации и инвестиции, детерминируются пространством. С определенной долей условности можно говорить о том, что глобализация, интернационализация и транснационализация, наряду с интеграцией детерминируются пространством, а регионализация детерминируется территорией.

Многообразие связей, размывание границ и вертикальная стратификация сетей (информационных, инвестиционных, институциональных и других), а также выход за пределы территории позволяют говорить об эволюции территориальной парадигмы в *геопространственную парадигму*. На это обстоятельство обратили внимание американские географы и регионалисты (*Харвей* 1969, *Мэй* 1970, *Зак* 1973 и 1980, *Кофи* 1981, *Беннет* 1981), а затем и отечественные учёные - *А. Г. Гранберг*, *С.С. Артоболевский*, *Э. Б. Алаев* (1986), *А. И. Трейвиш* (2000), *Л. Б. Вардомский* (2008) и др.

Представляется необходимым теоретико-методологическое переосмысление геопространственной парадигмы в рамках общественной географии с участием близких наук, в том числе региональной экономики, мировой экономики, маркетинга, социологии, политологии и других.

В рамках «геопространственной парадигмы» оформляется геоэкономика как новое научное направление в системе общественно-географических наук, но при

этом нуждающейся в междисциплинарном синтезе и новых подходах (подробнее об этом [1]).

Геоэкономика способна раздвинуть горизонты научного познания пространства, за счет включения его в формирующееся глобализированное геоэкономическое пространство, оперируя не территориальным, а именно пространственным языком.

Однако, прежде всего, нужно определиться с понятием «пространства».

Л.Б Вардомский указывает: «понятие пространство тесно связано с понятием регион, который представляет собой выделенную часть пространства (или территории), характеризующуюся определенным уровнем целостности и единства» [2, с.12]. На наш взгляд этот взгляд на пространство отражает его сущность и содержание, но равенства между пространством и территорией нет. Далее он говорит о том, что встречаются три основных понимания «экономического пространства» - системно-структурное, хозяйственно-правовое (институциональное) и геополитическое (геоэкономическое). Оставляя в стороне первые два, остановимся более подробно на геополитическом (геоэкономическом) понимании экономического пространства.

На наш взгляд, *геоэкономическое пространство* – это пространство, формирующееся на новой фазе эволюции экономического пространства, когда под влиянием внешних процессов глобализации, интернационализации, информатизации, транснационализации, а также на основе форсированного развития мирохозяйственных связей складывается сетевая, многомерная система, где территория является лишь поверхностью начального уровня. В геоэкономическом пространстве хозяйственные, информационные, инвестиционные связи все больше ориентируются вовне, нежели внутрь.

Геоэкономическое пространство органично встраивается в мировое глобализированное геоэкономическое пространство (ГГП). Однако некоторые авторы утверждают, что геоэкономическое пространство существовало и в 19 веке. Например, профессор *Г. Д. Гловели* говорит о существовании «российского

геоэкономического пространства» в первой половине 19 в. [3, с.19]. Он указывает, что «распад СССР в 1991 г. привёл к очередному сжатию геоэкономического пространства России» [там же, с.58]. Очевидно, что его понимание геоэкономического пространства отличается от того, которым мы руководствуемся.

Итак, территория, прежде всего, представляет собой часть поверхности земного шара с определенными границами, то есть ограниченное пространство, на которое распространяется юрисдикция государства или административно-территориальной единицы в его составе. В свою очередь пространство интуитивно понимается как арена действий, «общий контейнер» для рассматриваемых объектов, как некая многомерная зона, без жестких границ, но с однородными или схожими доминирующими признаками. Здесь важно подчеркнуть, что «жесткие границы» не работают в геоэкономических пространствах, но работают на территориях и присутствуют в разграничении экономических пространств.

При этом особый интерес представляет соотношение пространства и территории с позиции проекции одной на другую. Например, в России существуют регионы, чьё экономическое пространство шире территории. Среди них можно выделить Москву, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО. Вместе с тем, ряд регионов заметно сократили своё экономическое пространство, а этот вакуум заполняют пространства соседей (КНР, Японии, Прибалтики, Финляндии, Белоруссии, Литвы и другие).

При такой постановке вопроса, очевидно, что сокращение экономического пространства может привести к утрате государственного суверенитета над территорией.

Представляется что территория и пространство связаны прочными невидимыми связями, но в XXI веке мир будет эволюционировать в сообщество геоэкономических пространств. Эти пространства пересекаются, взаимно проникают друг в друга, а порою и теснят друг друга, деформируя их. Это видно на примере развития торгово-экономических соглашений, преференциальных и валютных зон. В этом ключевое отличие от территорий, которые остаются

статичными вне зависимости от интенсивности мирохозяйственных процессов и явлений. Об этом говорили классики геоэкономики – *Фернан Бродель* (1992) и *Моро-Дефарж* (1995) и др.

В будущем конфликт между реальной территорией и глобализированным пространством будет нарастать, что, в конечном счете, может привести к грандиозным сдвигам от изменений существующих границ до кардинального пересмотра сложившейся системы государств и её замены на более мягкие формы взаимодействия в рамках различных геоэкономических пространств. Таким образом, на повестке дня стоит главный вопрос разрешения противоречия между реальной территорией, представленной страной, субъектом Федерации и виртуализированным пространством, представленной сферой геоэкономического влияния, расширенной интеграционной группировкой или мегалополисом.

Геоэкономическое положение России в системе глобализированного геоэкономического пространства

С экономико-географических позиций Россия представляет собой огромную территорию от Балтийского моря до Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до Каспийского моря, занимая при этом большую часть Евразии. Однако её *геоэкономическое влияние* выходит далеко за пределы государственных границ.

Это влияние определяется наличием глобальной инфраструктуры выходящей за пределы России, а также обширной инвестиционной деятельностью российских корпораций за рубежом. В то же время и некоторые территории России уже давно стала зонами геоэкономического влияния других стран.

Расположение между *ведущими геоэкономическими центрами мира* – ЕС, США, Китаем, Японией усиливает существующие возможности для развития, при одновременном усилении определенных страхов и тревог. Эти страхи и тревоги связаны с тем, что некоторые наши приграничные регионы заметно сократили собственные экономические пространства, например Псковская область, Карелия,

Приморский и Хабаровские края, Амурская область и другие, а освободившийся вакуум заполняют пространства сопредельных стран и регионов.

При этом геоэкономическое положение России в системе глобализированного геоэкономического пространства (ГТП) несколько хуже, чем у других центров. Удаленность от ключевых геоэкономических центров и важнейших рынков, континентальность, большие расстояния, низкая плотность городской и транспортной сети, низкий уровень развития глобальной инфраструктуры в пределах России являются основными проблемами нашего пространства. Пожалуй, его можно лишь сравнить с такими «молодыми геоэкономическими центрами» как Индия и Бразилия. В последние годы, геоэкономическое положение России начинает меняться, однако это лишь поверхностные изменения без качественного улучшения этого положения.

Геоэкономическое положение, с нашей точки зрения, категория непостоянная, оно может меняться в зависимости от подвижности элементов ГТП. Например, строительство «Северного потока», «Голубого потока» и будущего «Южного потока» позволяет России расширять свое пространство, осваивая новые рынки и расширяя внешнеэкономические связи с ЕС, вместе с тем, геоэкономические риски в этом случае будет существенно возрастать.

Элементами ГТП в свою очередь являются: мировые рынки стратегического сырья и технологий, в том числе критических; мировые города разных уровней и мегалополисы; уникальные месторождения мирового уровня; транснациональные и многонациональные корпорации; предприятия, входящие в производственные и сервисные цепочки; транснациональные банки; крупнейшие международные порты, крупнейшие авиа-хабы, интермодальные коридоры, международные каналы и проливы, оффшорные зоны, инновационные центры глобального уровня, ведущие мировые университеты, мировые фондовые биржи и другие.

В современных условиях, в эпоху взаимозависимости и тесных мирохозяйственных связей, положение страны, понимаемое нами как *геоэкономическое положение*, определяется уже не столько элементарной

констатацией «географического адреса» объекта и его связями с соседними объектами, но прежде всего его положением в ГГП. При этом необходимо обязательное указание и анализ его территориальных связей с такими ключевыми элементами – объектами как: геоэкономическими регионами (в том числе трансграничными), глобальными производственными (сервисными) и финансовыми цепочками, глобальными и региональными инновационными центрами, мировыми городами, отношением к геоэкономической интеграции стран и регионов, к уникальным месторождениям и к объектам глобальной инфраструктуры.

Геоэкономические пространства «Новой России»

В условиях смены социально-экономической формации и под влиянием глобализации, интернационализации и транснационализации можно говорить о том, что экономическое пространство России эволюционировать в геоэкономическое. Однако скорость этого процесса сильно различается в разных частях страны, а в большинстве регионов подобная эволюция не возможна в принципе.

Говоря о российском экономическом пространстве, прежде всего, необходимо определить главные его особенности: континентальность, фрагментарность, асимметричность, двойственность развития и глобальность этого пространства. При этом ключевым посылом для выделения подобных пространств является его интегрированность в глобализированное геоэкономическое пространство, то есть нарастающая интенсивность мирохозяйственных связей при одновременном затухании внутренних экономических связей и всесторонняя ориентация на иные геоэкономические центры силы.

Эту ориентацию можно заметить не только в мирохозяйственных связях и развитии туристических потоков, но и широком распространении иного образа жизни, ином информационном траффике, а также в трансформации модели политического выбора граждан соответствующих регионов, повышении их гражданского сознания и их региональной самоидентификации.

На наш взгляд, корни сепаратизма и регионализмов лежат не столько в «большом пространстве и расстояниях России», но прежде всего в региональной экономической политике и транспортно-инфраструктурной политике Центра. Несправедливое распределение налогов и инвестиционных ресурсов, чрезмерная концентрация власти в одном Центре и отсутствие национально-ориентированной транспортно-инфраструктурной политики ставят перед страной судьбоносные вызовы, которые не разрешаются ни силовыми, ни директивными методами и уж конечно не зависят от воли одного, даже талантливому руководителю.

Кроме этого нельзя игнорировать сложившуюся веками специализацию, стереотипы и штампы, которые опираются на географические факторы, то, что А. И. Трейвиш назвал как «зависимость от пройденного пути». В царские времена, государство, понимая стоявшие вызовы и оперируя стратегическими интересами державы на 50-100 и более лет, озадачилось подобными вопросами, был построен «Транссиб», который стал опорным каркасом державы, соединив Владивосток с Москвой. Сегодня перед страной по-прежнему стоят те же судьбоносные вызовы, что 100 и 150 лет назад.

Континентальность российского пространства определяется тем, что Россия занимает большую часть Евразии от Кольского полуострова до хребтов Северного Кавказа и от Чукотки до о. Ханки. Наличие морских и сухопутных границ с 18 государствами мира, самая протяженная морская и сухопутная граница, максимальные расстояния с севера на юг до 3000 км и с запада на восток до 6000 км позволяют говорить о данной особенности нашей страны. Однако еще более важным здесь является эффект континентальности, на который обратил внимание профессор Л. А. Безруков [4]. Континентальность России резко снижает конкурентоспособность её компаний и регионов на мировых рынках, что впрочем, не мешает ориентироваться на внутреннее развитие. Об этом очень метко писал экономико-географ, евразиец, ученик В. Э. Дена по Политехническому институту П. Н. Савицкий: «для России еще большее экономическое значение имеет замерзаемость большинства омывающих её морей. Над ней довлеет дилемма

континентальности: примитивность экономического быта при изолированности либо угроза стать задворками мирового хозяйства при вхождении в океанический обмен» [5, с.399-402]

Фрагментарность экономического пространства определяется тем, что, несмотря на общую государственную территорию, существует несколько *региональных геоэкономических пространств* внутри страны, которые в силу экономико-географических, исторических, историко-хозяйственных, транспортно-логистических и других факторов ориентируются на разные центры силы – ЕС, Китай, Японию, США. Основным подходом к их выделению является геоэкономический подход, т.е. подход, опирающийся на геопропространственную парадгму.

Можно привести следующие пространства: 1) *Столичное геоэкономическое пространство* (это своеобразное пространство вокруг столицы, фактически формирующийся «мировой город», крупнейший авиа-хаб страны, центр транснационального бизнеса и крупнейший научный и инновационный центр регионального масштаба, главные «экспортно-импортные ворота» страны). Создание мирового финансового центра здесь лишь укрепит данный статус. Его границы несколько выходят за пределы Московской области и вероятно определяются ежедневными маятниковыми миграциями трудовых ресурсов, а также активной внешнеэкономической деятельностью ТНК вокруг Москвы; 2) *Пространство Европейского Севера* (это разорванное пространство от Калининграда, через западную часть Псковской и Ленинградской областей, Западную Карелию, Мурманскую область с центром в Санкт-Петербурге). Характер этого пространства определяет «европейская судьба» и близость к Европейскому Союзу. Интенсивные транспортные, туристические, экономические связи и наличие непосредственных границ, а также морских портов в Приморске, Санкт-Петербурге, Калининграде и Мурманске и создание системы Балтийской трубопроводной системы – 1 и 2 позволяет углублять дальнейшее сотрудничество. Проекты трансграничного и приграничного сотрудничества интенсифицируют связи

Европейского союза и России; 3) *Пространство Арктического Севера* (это пространство, которое ломает физико-географические и административно-территориальные границы и объединяется исключительно по хозяйственной специализации и геоэкономической ориентации). Объединяем его в рамках Приполярной части Архангельской области, Ненецкого округа, Ямало-Ненецкого округа и центральной части Ханты-Мансийского округа и Ванкорского нефтегазового участка Красноярского края. Центром этого пространства является Архангельск, как крупнейший город с ведущим научно-образовательным центром Северным (Арктическим) федеральным университетом. Очевидно, что главной отраслью специализации является нефтегазовая промышленность, а геоэкономическая ориентация пространства связана с Европейским Союзом; 4) *Азиатское геоэкономическое пространство* (это, пожалуй, самое сложное пространство России с ориентацией на два ведущих геоэкономических центра – Китай и Японию). Его центр притяжения можно определить как Владивосток с Дальневосточным федеральным университетом. Объединяется оно по фактору географического соседства, а также хозяйственного, миграционного и инвестиционного влияния Китая и Японии. В пределах этого пространства можно выделить: Сахалинскую область и Приморский край (на Японию), южная часть Хабаровского края (на Китай), Еврейская АО (на Китай), Южно-Якутский угольный бассейн (на Японию и Китай), зона БАМа (Амурская область, Забайкальский край, Иркутская область на Китай).

Таким образом, необходимыми требованиями для выделения условных геоэкономических пространств являются: 1) приграничный статус входящих территорий, позволяющий активно развивать разнообразные внешнеэкономические связи, ориентированные на ведущие геоэкономические центры; 2) наличие общей инфраструктуры ориентированной на рынок одного из геоэкономических центров силы, объединяющей территории схожей отраслевой специализации; 3) наличие мирового города разного уровня с тяготеющей территорией.

На остальном пространстве либо формируются геоэкономические центры разных уровней (глобального, регионального, национального) с тяготеющей к ним территорией: Норильско-Талнахский комплекс, Соликамск-Березники, Кузнецкий бассейн, Якутский алмазодобывающий центр, Уральская металлургическая группа и другие, либо сохраняется *«внутреннее российское экономическое пространство»*, которое в свою очередь, можно также делить на: *Центральное внутреннее пространство, Южное, Уральское, Восточно-азиатское внутреннее пространство.*

Выделение указанных выше пространств и центров позволяет говорить двойственности развития России, а значит и о существовании двух типов пространств в рамках страны: *геоэкономические пространства и внутренние экономические пространства.*

Ключевое различие заключается в том, что в первом случае речь идет об ориентации территорий на активное взаимодействие с внешними геоэкономическими центрами (Европейский Союз, США, Япония, КНР и др.) через различные элементы ГПП, например, через прямые инвестиции, транснациональные цепочки и др. Например, *геоэкономическое пространство Европейского Севера* активно встраивается в различные трансграничные проекты ЕС, в том числе в «Северное измерение».

В случае с внутренними экономическими пространствами, речь идет о том, что они слабо интегрированы в ГПП, но при этом играют важную роль во внутреннем социально-экономическом развитии.

Если в первом случае основой экономики регионов являются: экспортные отрасли, креативные отрасли экономики, топливная отрасль и нефтегазовая инфраструктура, сборочные производства с участием иностранных инвестиций и др., то во втором случае – традиционные отрасли внутреннего спроса – лесопромышленный комплекс, военно-промышленный комплекс, энергетика, легкая промышленность, горнодобывающая, пищевая, основная химия, строительная, а также торговля и транспорт и т.п.

Асимметричность геоэкономического пространства России не вызывает сомнения, сравнительно небольшие геоэкономические пространства соседствуют с гигантскими внутренними экономическими пространствами в стране. Это обстоятельство создает большую проблему для понимания дальнейших путей развития страны в целом, вызывает излишнюю самонадеянность властей, а замалчивание ведет к углублению дальнейших региональных диспропорций и внутренних конфликтов. Нельзя игнорировать противоречие двух путей развития – ориентации на «собственные силы и внутрь» и ориентации на «глобальные рынки и вовне».

Мы имеем две России – «Россию открытую» и «Россию внутреннюю» или условно «Россию территорий» и «Россию геоэкономических пространств». Каждая из этих моделей отличается своеобразием. Противопоставлять эти две модели крайне опасно. Однако выписывать одинаковые рецепты в региональном и инновационном развитии, развитии транспорта и городов, развитии бизнеса и государственных институтов, совершенствования инвестиционного климата и других было бы на наш взгляд не совсем правильно.

Проблемы «открытых российских регионов», приграничных регионов и нефтегазовых регионов (Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Калининградской области, Ненецкого округ, Ямало-Ненецкого округ, Ханты-Мансийского округ и др.) слабо похожи на проблемы «внутренних регионов» – например, Костромской, Ивановской, Курганской, Магаданской областей, республик Алтай, Дагестана или Мордовии.

В этой связи можно вспомнить *«пространственную парадигму»* академика *А. Г. Гранберга*, согласно которой: «Экономика России — не монообъект, а многорегиональный организм, функционирующий на основе вертикальных (центр — регионы) и горизонтальных (межрегиональных) экономических, социальных и политических взаимодействий и входящий в систему мирохозяйственных связей». Он указывал, что в рамках этой пространственной парадигмы ключевой проблемой исследований и государственной политики является разумное сочетание

регионального многообразия, целостности национального пространства и его интеграции в глобализирующийся мир.

Рассмотрим инновационно-технологическое развитие регионов, в том числе – технопарков с точки зрения двух обозначенных выше моделей. Например, известно, что существует фундаментальная и прикладная наука. Первая без второй обойтись может, а вторая без первой – нет. Но при этом, в первом случае, исследования сопряжены с долгосрочными финансовыми вложениями и значительными рисками, а во втором случае риск нивелируется возможностью скорейшей коммерциализации. При этом существует «военная и специальная наука», обслуживающая военно-промышленный комплекс и национальную безопасность, а есть и та, которая ориентируется на бизнес. Поэтому развитие и поддержка «Сколково», равно, как и развитие и поддержка Новосибирского академгородка или Томского научного центра должны идти параллельно. Первый представляет геоэкономические пространства России, а второй внутреннее экономическое пространство. Например, в США есть классический «открытый технопарк» – «Кремниевая долина», а есть специальная Сандийская или Ливерморская лаборатории, обслуживающие военно-промышленный комплекс, атомную энергетику и национальную безопасность. Без поддержки со стороны государства такие центры не жизнеспособны.

Глобальность геоэкономического пространства России уже определяется не столько её размерами, сколько геоэкономическим влиянием за пределами государственных границ. Сегодня Россия активно участвует в развитии интеграционных проектов на постсоветском пространстве, среди которых особый интерес представляют Таможенный Союз и ЕвразЭС. Создание транснациональных структур и мирохозяйственные связи все более усиливают глобальность России.

Россия располагает такими глобальными элементами ГПП как, например континентальная газопроводная сеть, уникальные сырьевые резервы углеводородов, цветных и редкоземельных металлов, трансконтинентальные железнодорожные сети, северный морской путь и другие.

Российские транснациональные корпораций становятся глобальными игроками, проникая на рынки США, ЕС, Китай и Индии, Африки и Ближнего Востока, Латинской Америки, достаточно вспомнить «Лукойл», «Русский Алюминий», «Норильский Никель» и другие.

В заключение, отметим, что на современном этапе развития мировой экономики, характеризующегося глобализацией, интернационализацией, транснационализацией более явным становится противоречие между территориальным и пространственным подходом. Территория, представляемая страной, субъектом Федерации уже с трудом встраивается в новое глобализированное геоэкономическое пространство, в силу того, что само это пространство не ограничивается границами или государственными границами. В условиях интеграции России в глобализированное геоэкономическое пространство все более явно проявляется фрагментарность экономического пространства нашей страны. Это определяется тем, что, несмотря на общую государственную территорию, складываются несколько региональных геоэкономических пространств, которые в силу экономико-географических, исторических, историко-хозяйственных, транспортно-логистических и других факторов ориентируются на разные центры силы – ЕС, Китай, Японию, США. Геоэкономические пространства – есть результат эволюции экономического пространства, под воздействием внешних процессов.

В итоге складывается две модели России – «Россию открытую» и «Россию внутреннюю» или условно «Россию территорий» и «Россию геоэкономических пространств».

Модели отличается своеобразием, но противопоставлять их крайне опасно. Однако выписывать одинаковые рецепты в региональном и инновационном развитии, развитии транспорта и городов, развитии бизнеса и государственных институтов, совершенствования инвестиционного климата и других было бы на наш взгляд не совсем правильно.

Список литературы

1. *Лачининский С. С.* Современные направления геоэкономических исследований в России // Известия Рус. географич. общ-ва, вып. 1, 2011, С. 18-27
2. *Вардомский Л. Б.* Российское порубежье в условиях глобализции. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 216 с.
3. *Гловели Г. Д.* Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.) / Г.Д. Гловели. – СПб.: Алетейя, 2009. – 204 с.
4. *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии / Л. А. Безруков; отв. Ред. Б. М. Ишмуратов; Рос. Акад. Наук, Сиб. Отд-ние, Ин-т географии. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. – 369 с.
5. *Савицкий П. Н.* Континент Евразия М. – «Аграф». – 1997, с.399-402

Лачининский Станислав Сергеевич

Кандидат географических наук, преподаватель кафедры экономической и социальной географии СПбГУ;

Санкт-Петербург, Дунайский проспект, д. 7, к.3, кв. 509

lachininsky@gmail.com

+79117887154, (812) 323-40-89